

Независимая газ. — 1998. — 17 марта. — с. 7

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Концерт Курта Мазура в контексте московской музыкальной жизни

Вадим Журавлев

МОСКОВСКИЕ меломаны уже отметили невероятное количество «концертов памяти...» В далеком прошлом остались «памятные концерты», започинавшиеся на всю жизнь (концерты Рихтера часто относились именно к этой категории). Суровая будничность московской филармонической жизни, оказавшейся оторванной от мирового гастрольного обмена, редко приносит радости завсегдатаям Большого зала консерватории. Сейчас уже редкая неделя обходится без парочки самых ординарных концертов, посвященных памяти коллег, учеников, композиторов. Удачная (и носящая явно выраженный некрофильский оттенок), по мнению организаторов, новая форма рекламы рядовых событий еще раз подтверждает, что меломанская среда живет в основном ностальгией по «железному занавесу», когда лучшие отечественные музыканты играли в Москве чаще, а государственные субсидии позволяли проводить гастрольные туры лучших оркестров и музыкантов зарубежья. Объективные мировые тенденции тоже стоит учесть: смерть многих музыкантов из когорты «assoluta», размытость критериев оценки у публики, появление серого мейнстрима исполнителей и дирижеров, достижения звукозаписи только способствуют лобованию мертвой музыкальной материи в законсервированных мумиях пластинок.

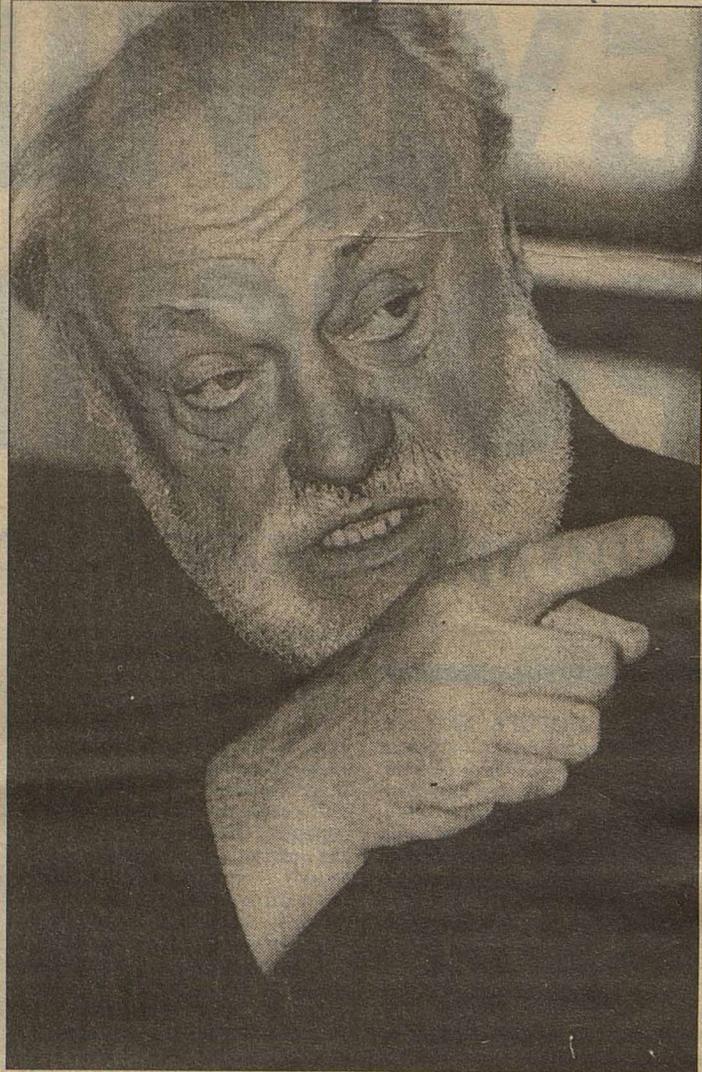
Приуроченные ко дню рождения ушедшего из жизни чуть больше полугодом назад великого русского пианиста Святослава Рихтера концерты явно выбиваются из сегодняшнего контекста московской музыкальной жизни. В первую очередь потому, что Фонд Рихтера попытался в трех концертах объединить не просто друзей покойного, но и отличных музыкантов. Первыми концерт давали оркестр и хор театра «Новая опера» под управлением Евгения Колобова. В переполненном БЗК звучал «Реквием» Моцарта. А в минувшую пятницу со «светлановским» оркестром выступил легендарный немецкий дирижер, многолетний руководитель оркестра лейпцигского «Гевандхауза», а ныне главный дирижер Нью-Йоркского филармонического оркестра Курт

Мазур. Те, кому довелось наблюдать толпы слушателей на «Реквиеме», не могли не удивиться отсутствию аншлага на выступлении Мазура. В былые годы подобные гастрольные вызвали бы ажиотаж. А теперь публика рвется большей частью на реквиемы, Шестую симфонию Чайковского и другие «последние творения великих мастеров» (под таким названием существует даже абонемент!).

Программа концерта Мазура тоже сыграла не последнюю роль в отсутствии аншлага (это уже к вопросу о размытости критериев). Отсутствие интереса к Седьмой симфонии Брукнера не смог перекрыть даже романтически-восторженный Фортепианный концерт Шумана, сыгранный в первом отделении вместе с соратницей Рихтера, бывшей нашей, а ныне австрийской пианисткой Лизой Леонской.

Выступление Леонской в очередной раз продемонстрировало, что эмансипированные дамы-пианистки, ворвавшись в самое ядро мирового исполнительского мейнстрима, подарили страсть к «романтическим соплям» отдельным пианистам сильного пола. Правда, взамен популярнейшая в Австрии пианистка ничего не смогла предложить московской публике. Ее сухая, неэмоциональная игра разочаровывала не меньше, чем пренебрежение виртуозными деталями (которые просто отбрасывались из-за невозможности их исполнить) или глухим даже на форте звучанием рояля. Мазур, как истинный джентльмен подиума, во всем уступал дорогу солистке, но из этого мало чего хорошего вышло. Где-то в глубинах «Стейнвея» тихо, но неумолимо, точно сам Шуман в психушке, умирал восторженный романтический пантеизм композитора. В оркестре же и без того сильно ощущалось, что все силы немногочисленных репетиций были брошены на оттачивание симфонии Брукнера, музыка которого пока остается для «светлановцев» тайной за семью печатями.

К счастью, впечатления от второго отделения перекрыли все разочарования первого. Большой специалист именно по Седьмой симфонии Брукнера, чья интерпретация не меркнет даже рядом с признанным авторитетом в этой области — покойным Серджиу Челибедаке, Мазур выжал все возможное из нашего

Курт Мазур.

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

оркестра, хотя ощущение игры на пределе тоже не покидало слушателей. Маэстро приходилось даже продемонстрировать свои средние вокальные способности и громко подпевать не всегда вытягивающим оркестрантам. Последний великий дирижер умирающей на наших глазах немецкой школы приезжал уже в этом сезоне, чтобы с этим же оркестром исполнить Пятую симфонию Чайковского и «Картины с выставки» Мусоргского—Горчакова (см. «НГ» от 29.10.97): тогда и публики в зале было больше, и мнения критиков более полярными. На этот раз Мазур убедил всех и продемонстрировал все, на что способны великие немецкие дирижеры: медленные, волнообразные крещендо, экзальтированные, грандиозные кульминации. В его версии Седьмой симфонии ощущался живот-

ный страх Брукнера перед смертью и карой Божьей, его преклонение перед Титаном и Героем (вторая часть написана под впечатлением смерти кумира Брукнера — Вагнера), болезненно-экзальтированное, «тристаническое» просветление, наступающее после его смерти (здесь уместно вспомнить и вагнеровского Зигфрида, и героя Второй симфонии Малера). Грустные глаза Рихтера на знаменитом фотопортрете за роялем очень точно соответствовали атмосфере концерта, отражая его главную идею, — смерть и просветление.

В пятницу, в день рождения Рихтера, в БЗК состоится еще один концерт. Вместе с БСО им. Чайковского под управлением Александра Рудина выступят виолончелистка Наталья Гутман и скрипач Виктор Третьяков.